КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В СРЕДЕ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ В XVIII – XIX вв.

В статье рассматривается эволюция функций аристократического коллекционирования в Российской империи в период с первой половины XVIII в. до середины XIX в. в тесной связи с социальным контекстом данных практик. Если в начале данного периода коллекционирование было для русского дворянства способом солидаризации со своим сословием, формой публичной презентации не только своего статуса, но и приверженности европейским образцам культуры, то к концу рассматриваемого периода оно превратилось в возможность для самореализации в свободное от службы время и в сферу интеллектуального досуга.

Ключевые слова: Российская империя, частное коллекционирование, русская аристократия

Collecting practices among Russian aristocrats of the XVIIIth and XIXth centuries.
OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

The article deals with the evolution of the functions of aristocratic collecting in Imperial Russia from the first half of the XVIIIth century up to the mid-XIXth century in close connection with the social context of these practices. The author concludes that at the beginning of this period for the Russian nobility collecting was the way to identify with a certain social class and a form of public presentation of person's status and commitment to European cultural patterns, and by the end of the period it evolved into an opportunity for self-fulfillment in leisure time and the sphere of intellectual leisure.

Keywords: Russian Empire, private collecting, Russian aristocracy

Практики частного коллекционирования, вслед за монархами, осваивает российское дворянство, сформировавшееся, как было отмечено многими авторами, начиная с В.О. Ключевского, в процессе европеизации и во многом как продукт европеизации: «С рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к француз-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском

ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиницах и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление. Усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – все было чужое, все привозное, а дома у

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2018

него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела» [8, с. 230].

Вместе с тем, эта оторванность российского дворянства от традиционной культуры по-разному оценивается в литературе. С одной стороны, особенно в советской историографии подчеркивалось, что дворянское сословие в силу своей европейской культурной ориентации было оторвано от национальных корней. С другой стороны, прежде всего, в современной литературе дворянская культура стала символом национальной культуры.

С точки зрения Д. Ливена, осуществившего сравнительно-исторический анализ европейских аристократий, несмотря на противоречивое положение между традиционной русской и европейской культурами, российская аристократия проявляла себя более творчески, чем, например, английская или немецкая [11, с. 37]. При этом под аристократией Ливен понимает весь высший класс [11, с. 10]. Невозможность активно проявлять себя на политическом поприще (в отличие от английской аристократии), как и на сельскохозяйственном (в отличие от немецкой), по мнению автора, вела не к ущербу российской аристократии, а к созданию особенного культурного типа, в котором сочетаются европейская образованность и патристическое самосознание [11, с. 219]. Великая русская литература, по мнению Д. Ливена, это и есть творческий результат ответа российской аристократии на невозможность реализоваться в других сферах.

Российское дворянство изначально формировалось государственной властью по примеру европейской аристократии. В Европе, по мнению М. Блока, аристократия появилась не ранее XII-XIII вв., примером для формирования благородного образа жизни стало французское дворянство [4]. «Определяющей чертой класса благородных стала его социальная функция: благородный должен быть верен и должен быть вооружен. Эта знать не стала сословием посвященных, она осталась и останется классом обрза жизни» [4, с. 322].

Но к тому времени, когда русская аристократия познакомилась с придворной культурой европейских стран, прежде всего – Франции и Англии, образ жизни аристократии не столько был подчинен военным занятиям, сколько светской жизни. Этос придворной жизни сложился в основных чертах при Людовике XIV: «Со вкусом построенный дом или разбитый парк,

украшенная в соответствии с модой комната, остроумная беседа и даже любовная интрига – все это на придворной фазе развития общества относится не к частным прихотям отдельных людей, но к жизненно важным требованиям, предзаданным социальной позицией» [15, с. 303]. Коллекционирование, прежде всего художественное, вполне соответствовало этому социальному статусу, демонстрируя праздный характер потребления, а также степень осведомленности в далекой от сиюминутных интересов сфере искусства, воспитанность художественного вкуса.

Революционный характер модернизационных реформ Петра I приводил к разрыву с традиционным укладом жизни, прежде всего – в среде российской элиты. Обязанности нести государственную службу в течение большей части жизни, необходимость получения образования, возможность карьерного роста только при условии демонстрации высокой степени следования тем европейским образцам, которые во многом насильственно вводились монархией – все эти факторы создавали необходимость в новой форме идентичности. Как отмечает Ю.М. Лотман, «люди начала XVIII века стремились влиться в какую-то группу» [12, с. 254].

Коллекционирование в первой половине XVIII в. для первого поколения российской аристократии, которому «некогда было заниматься своими манерами» (но «эту возможность они предоставили своим детям») [14, с. 16], было способом солидаризации со своим сословием, формой публичной презентации не только своего статуса, но и приверженности европейским образцам культуры. Быстро строившиеся дворцы и усадьбы в стиле классицизм и барокко требовали соответствующих интерьеров, зачастую не поспевавших за художественными вкусами своих владельцев.

Возможность оттачивать свой художественный вкус, в том числе в системном коллекционировании искусства, была очень редкой в первой половине XVIII в., когда большую часть своей жизни русский дворянин проводил на военной службе. Чаще всего такая возможность возникала только у той части аристократии, которая регулярно выезжала или жила в европейских странах, то есть, прежде всего, у тех, кто служил на дипломатическом поприще. Как отмечает Оссовская, «двор, упорно избегая каких-либо профессиональных занятий, создает новую профессию – профессию дипломата. Это занятие не наносит ущерба чести. В то же вре-

мя оно требует немалых денежных средств и положения в обществе, связанного с благородным происхождением» [14, с. 120].

Ключевым событием для развития в России дворянской культуры стало освобождение аристократии от обязательной службы. Оценивается это событие в отечественной историографии противоположным образом. Так, для В.О. Ключевского, «дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьезного дела. Это дворянское *безделье*, политическое и хозяйственное, и было чрезвычайно важным моментом в истории нашего образованного общества, следовательно, в истории нашей культуры. Оно, это безделье, послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века уродливое общество с чуждыми понятиями, вкусами и отношениями» [8, с. 219].

С другой стороны, это же свободное распоряжение своим временем приводит, по мнению Ю.М. Лотмана, к золотому веку русской культуры, проявившемуся ярче всего в литературе. «Непоротое поколение» начинает жить для того, «чтобы их имена записали в историю, а не для того, чтобы выпросить у царя лишнюю сотню душ» [12, с. 64]. «Гипертрофия личности» приводила к устремленности «к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению» [12, с. 254].

Стремление к вечной славе, в противовес сиюминутному успеху, вполне вписывалось в ценностную модель российской аристократии, воспитанной на романтической литературе и европейской философии Просвещения. Вместе с тем, после освобождения дворянства от обязательной службы появляется возможность выбора индивидуальных стратегий поведения, конечно, в рамках сословных приличий, но при этом позволяющая проявить себя как уникальная личность. Ведь в обществе людей, обладающих примерно равными возможностями, слава и успех выполняют маркирующую функцию: «как один из тех видов ресурсов, которые наряду с *властью, богатством, престижем, статусом и привилегиями* создают важнейшие линии неравенства в обществе и его структурирование в соответствии с этими линиями» [7, с. 101].

Наиболее важными компонентами славы, по мнению Л.Е. Гринина, являются:

а) достоинство и заслуженность, поскольку слава способствует выделению у людей наиболее достойных и значимых – с точки зрения

данного общества или группы – целей, мотивов, действий и результатов;

б) известность. Даже заслуженный и отмеченный герой может не иметь нужного уровня славы;

в) почет, уважение, престиж и другие нематериальные блага, которые прямо или косвенно вытекают из обладания славой для данной персоны;

г) материальные блага, которые являются наградой за славу или могут быть получены благодаря ей;

д) привлекательность прославленной персоны для других людей и желание быть с ней рядом [7, с. 106].

Вместе с тем, достижение славы вполне вписывается в романтический идеал великой личности: «Богатство, титул, власть можно передать другому в полном объеме. Но невозможно кому-то отдать, продать, завещать славу великого ученого, писателя или актера <...>, она принадлежит только конкретной личности» [7, с. 101]. Как невозможно передать другому человеку и славу великого полководца или мецената, ее можно только заслужить.

Необходимо также подчеркнуть, что для российского дворянства, как для праздного класса, доблестная деятельность, связанная с достижением славы, противопоставлялась труду непривileгированных социальных групп: «Труд – это усилия, расходуемые на создание новой вещи, с новым назначением, которое, придавая форму пассивному, «грубому материалу», дает ей изготовитель; в то время как доблестная деятельность до той поры, пока ее исход полезен агенту, есть обращение на свои собственные цели сил, ранее направлявшихся на какую-либо другую цель другим агентом» [6, с. 65].

Итак, во второй половине XVIII в. служба по-прежнему рассматривалась как желательная для российской аристократии с точки зрения государства, концепт долга служения закрепляется в дворянском этосе [13]. Между военной и статской службой приоритет был на стороне первой, которая считалась преимущественно дворянской. Российские императоры получали военное образование и воспитание, и для власти «нерассуждающий, исполнительный офицер представлялся ... наиболее надежной и психологически понятной фигурой» [12, с. 25]. Понятие дворянской чести, включавшее в себя и стремление к славе, романтизация войны приводили к популярности «гусарской» стратегии поведения, в рамках которой доблесть и слава

были связаны, прежде всего, с войной, участием в сражениях, храбростью, отвагой. Привычка к опасности приводила к тому, что в войне виделось «спасение и еще от одной беды – скуки» [4, с. 288].

Гусарская модель поведения нисколько не противоречила помещичье-крепостной. По словам Ю.М. Лотмана, «эти же гвардейцы, которые пьянствовали по кабакам и не знали, как расплатиться с долгами, став графами, князьями и получив огромные имения, сделались довольно заметными людьми в русской истории. Бывшие гвардейцы, став богатыми и влиятельными, сохранили дух гвардейского своеволия, соединив его со своеволием барским» [12, с. 43].

Наряду с «гусарской» стратегией достижения славы в рамках аристократического общества возникает и другая модель славы, вполне вписанная в ценности своего времени, это слава вельможи-мецената, который свое покровительство отдает науке и искусству, что демонстрируется в том числе в практиках коллекционирования. Яркими примерами вельмож-меценатов второй половины XVIII – начала XIX вв. являются известные коллекционеры Александр Сергеевич Строганов (1733-1811) и Николай Петрович Румянцев (1754-1820).

А.С. Строганов, в отличие от Н.П. Румянцева, скорее, избегал государственной службы, чем искал ее, в том числе всячески стараясь продлить свои путешествия и пребывания в Европе. Например, во время семилетнего путешествия во Францию вместе со своей женой Е.П. Трубецкой А.С. Строганов был вхож в аристократические салоны, общался с Вольтером. Он был принят в масонские ложи, что для того времени «означало быть образованным человеком, членом просвещенного общества, вписанным в космополитическое культурное поле европейской элиты» [10, с. 168].

Собирать коллекцию А.С. Строганов начал уже во время своего первого, образовательного, путешествия в Европу в 1752-1757 гг. Если отец Александра Сергеевича барон С.Г. Строганов считал, что путешествие в Европу необходимо, скорее, для того, чтобы отточить светские манеры и завести знакомства, то для сына в Европе открылась совсем другая жизнь, связанная с наукой и искусствами. Он не только прослушивает курсы в университетах Швейцарии и Франции, но и сам проводит опыты и эксперименты, а также покупает произведения искусства, медали, пополняет нумизматическую коллекцию. Даже призывы барона к своему единственному

сыну скорее вернуться в Россию не способны оторвать его от интересного времяпровождения в Европе, отец и сын так больше и не увидятся, только по требованию Елизаветы А.С. Строганов возвращается в Петербург.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, но состоялся бы замысел Казанского собора и музей Строгановского дворца, если бы прошения А.С. Строганова о жизни за границей были бы удовлетворены императрицами Елизаветой и Екатериной?

По одной из версий, коллекция собиралась для образования сына А.С. Строганова, Павла Александровича. В Строгановском дворце находились художественные коллекции, минеральный кабинет, библиотека и пр. В одной из зал были картины Г. Роббера, а также четыре скульптурных бюста работы Гудона – Вольтер, Дидро, Д'Аламбер, Эйлер.

Строгановский дворец был одним из центров светской жизни и даже императорских приемов. С 1784 г. Александр Сергеевич стал петербургским предводителем дворянства, приемы во дворце не раз были в центре внимания современников. В 1796 г. А.С. Строганов организовал первое в России представление «Живые шахматы» специально для приема короля Швеции Густава IV. Такого рода деятельность приводила к новым титулам и должностям. Так, в 1798 г. А.С. Строганов был возведен в графское достоинство, а в 1800 г. назначен президентом Императорской Академии художеств, директором Императорской публичной библиотеки.

Коллекции А.С. Строганова были открыты для образованной публики раз в неделю, в Строгановском дворце был своеобразный салон, в котором бывали художники, писатели, музыканты, известные ученые. Среди придворных живописцев А.С. Строганова начинал свой путь к известности А.Н. Воронихин.

Другой пример вельможи-мецената и коллекционера мы видим в лице Н.П. Румянцева. Сын известного полководца Румянцева-Задунайского, воспитанный в духе служения государству и достижения славы именно своими достижениями на службе, к коллекционированию Н.П. Румянцев приходит в тот самый период своей жизни, когда на службе в новых обстоятельствах государственной политики он был не нужен. Довольствоваться управлением имениями после таких масштабов государственной деятельности и признания, без особых амбиций доживать свой век, видимо, было для канцлера невозможным делом.

Получив хорошее образование, сначала домашнее, потом университетское (в 1774 г. он был отправлен для слушания курсов истории и права в Лейденский университет), Н.П. Румянцев видел себя не на военной, а на дипломатической службе, он провел, путешествуя по Европе, пять лет. Благодаря заслугам отца, несмотря на отсутствие большого опыта и молодой возраст, он получил назначение на дипломатическую службу.

Выполняя различные внешнеполитические поручения Екатерины II в течение пятнадцати лет, будучи в курсе европейских дел, прославившись франкоманом, Н.П. Румянцев несомненно ждал продвижения по службе, что видно, например, по письму графу А.Р. Воронцову, написанному в 1784 г.: «Мне 30 лет минуло, и когда в эти лета сын фельдмаршала Румянцева с трудом добился быть во Франкфурте министром, ни лент, ни чинов не получает, знать собственные силы в нем слабы и неспособность его известна» [1, с. 111].

Все меняется при Павле I, а особенно – при Александре I. Н.П. Румянцев получает должности одну за другой – «главного директора водяных коммуникаций и экспедиции об устройстве в России дорог», министра коммерции, канцлера. Государственная служба давала возможность Н.П. Румянцеву стоять у истоков многих прогрессивных начинаний, в том числе, по примеру Франции и других европейских стран, организации архивного дела. Так, в 1811 г. Румянцев представил на имя Александра I доклад, в котором предлагалось начать публикацию дипломатических документов, накопившихся в департаменте иностранных дел, на собственные средства, считая это престижным и важным делом.

Отставка Н.П. Румянцева стала для него новой возможностью, прежде всего, в качестве мецената науки и коллекционера. По мнению Е.В. Барсова, Румянцев затратил на научные предприятия свыше 300 тыс. рублей, но по подсчетам исследователя В.П. Козлова, эта сумма очень занижена и должна составлять не менее 1 млн. рублей [9, с. 23].

Для колониального дискурса европейских стран был характерен экзотический интерес к далеким землям, населявшим их народам, их религиям и искусству. Но в России этот дискурс проявлялся в не менее экзотическом интересе к собственным огромным пространствам и народам [10], истории, запечатленной не только в памятниках письменности, но и в устных пре-

даниях, фольклоре, предметах старины, всему тому, что было создано до XVIII в.

Н.П. Румянцев снискал свою славу как глава и покровитель Румянцевского кружка, объединявшего на абсолютно новых организационных основаниях, чем государственные общества и ведомства, чиновников, ученых, всех тех, кому была интересна тема истории. По имеющимся сведениям, граф Н.П. Румянцев пытался привлечь на свою сторону даже Н.М. Карамзина, к этому времени уже известного историка, «придворного историографа», но получил от него отказ.

Румянцевский кружок осуществлял, прежде всего, поисковую деятельность в отношении архивных документов, рукописных книг, этнографических и археологических материалов. Кроме того, осуществлялась их публикация, копирование, в случае написания на иностранном языке – перевод на русский язык. С 1817 г. благодаря такой поисковой деятельности членов кружка активно пополняется коллекция Н.П. Румянцева. К концу жизни он обладал крупнейшей библиотекой в России, насчитывающей около 28,5 тыс. книг, среди которых 213 – старопечатные. Исторический отдел включал более 12 тыс. томов, кроме того в состав коллекции входило более 700 оригинальных славянских рукописей и их копий. Нумизматическом кабинет, в том числе, состоял из греческих и восточных монет, около 1,5 тыс. экземпляров, в этнографической коллекции находились предметы быта, оружие, одежда, украшения русских, алеутов, коряков, а также народностей, населявших Филиппинские, Сандвичевы и другие острова. Граф владел и богатым собранием разных минералов [9, с. 31]. По универсальности подбора экспонатов, их научной ценности коллекция Н.П. Румянцева была лучшей в России начала XIX в.

А.С. Строганов, как уже было сказано, причиной своей коллекционерской деятельности называл стремление к всестороннему образованию сына, коллекция так и оставалась до революционных потрясений в Строгановском дворце. Н.П. Румянцев не был женат, не имел детей и после его смерти коллекции стали основой Румянцевского музея, открытого в 1831 г. в Петербурге, а затем перевезенного в 1861 г. в Москву.

Таким образом, второй период в развитии аристократического коллекционирования можно связать со временем, когда дворянство становится первым свободным сословием в России.

Выбор моделей поведения, реализовывавшийся в государственной службе или частной жизни, приводил и к соответствующим практикам коллекционирования. Среди коллекционеров-меценатов наиболее известными являются И.И. Шувалов, Н.Б. Юсупов, А.С. Строганов, Н.К. Румянцев.

Последним вельможей-меценатом современники называли графа Сергея Григорьевича Строганова (1794-1882). «Он представлялся мне непреклонным вассалом, которому нанесли обиду в его правах и обязанностях. На мои глаза это был последний из придворных могикан, которые во времена Екатерины Великой, императора Павла и Александра Благословенного поспешали из Петербурга в Москву, чтобы коротать дни и годы в уединении своих вельможных палат», – вспоминал Ф.И. Буслаев [5].

Одним из ключевых моментов молодости С.Г. Строганова является участие в военных событиях 1812 г., заграничном походе русской армии. В Париже юный граф оказывается в Лувре, который после походов Наполеона превратился в лучший европейский музей. Сам С.Г. Строганов не оставил воспоминаний об этих посещениях,¹ но есть интересное и совпадающее по времени произведение Н.А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года», где главный герой, поручик В. Глинский, офицер русской армии, которому только минуло двадцать лет, живет в Париже на постое в доме маркиза Бонжеленя. Его знакомят с другом дома, Дюбуа, и во время визита к нему Глинский наблюдает за занятиями и кабинетом человека, который делает «небольшое усилие, чтобы не отстать от просвещения своего времени»: «Дюбуа сидел за рисованием. Это удивило Глинского. Он бросил быстрый взгляд кругом комнаты, которая походила более на кабинет ученого, нежели на жилище военного человека, и хотя в ней не было беспорядка, неразлучного с привычкою ученых людей, но странная смесь предметов, ее наполнявших, поражала внимание. На стенах было несколько полок с книгами разных форматов и разных эпох, в бумажках, коже и пергамене; рукописи в тетрадях и свитках виднелись между ними. Древние и новые оружия, принадлежащие различным народам, развешаны были по стенам с географическими и топографическими картами и несколькими редкими картинами. Один шкаф занят был физическими инструментами,

другой посвящен был редкостям естественной истории, в одном углу стоял скелет, на котором висели плащ и шляпа хозяина, в другом живописный манекен, а шкафами помещено было несколько бюстов Наполеона в разных видах и возрастах» [3].

Кроме того, Дюбуа и Глинский вместе посещают Музей Наполеонов, и главный герой учится рассуждать об искусстве, хотя, конечно, как и положено для сентиментального жанра, любовные чувства в гораздо большей степени увлекают Глинского, чем художественные принципы.

Как документ своего времени, произведение «Русский в Париже» демонстрирует те представления о европейской, прежде всего – французской аристократии, их жизни и ценностях, которые сложились в русской офицерской среде, к которой принадлежал и С.Г. Строганов.

И хотя сам он не получил художественного образования, более того, считал себя человеком военным, посвятившим себя защите Отечества и государственной службе, но по собственной инициативе С.Г. Строганов открывает в 1825 г. первую в России рисовальную школу для талантливых детей из всех сословий.

Меценатство С.Г. Строганова проявлялось в особом покровительстве, прежде всего, талантливым ученым, некоторым из них он помогал со студенческого времени, являясь попечителем Московского учебного округа и университета. «Воспоминания» Ф.И. Буслаева – один из немногих источников, описывающих эту сторону жизни С.Г. Строганова, как и его увлечения, наиболее значимым из которых было коллекционирование древностей. «Большую часть времени, свободного от служебных и общественных обязанностей, он посвящал своим любимым досугам эстетического и археологического содержания. Даже у себя дома (в Петербурге, у Полицейского моста) всегда перед глазами имел он богатое собрание живописных произведений лучших мастеров итальянских и фламандских от эпохи возрождения, составленное еще в XVIII столетии. Галерея эта, в несколько зал, примыкала своею дверью как раз к кабинету графа. Это была очень длинная комната с окнами только по одну сторону; промежутки между окнами и вся противоположная стена заняты шкафами в рост человека с книгами на полках и с разными редкостями в выдвижных ящиках. Тут же находилась и драгоценная коллекция греческих, римских и византийских монет, золотых и серебряных, а частью и медных,

¹ С.О. Кузнецов отмечает почти полное отсутствие, по неизвестной причине, документов о повседневной жизни Строгановых [10, с. 12].

наиболее редкостных; граф был большой знаток в нумизматике и между специалистами по этому предмету славился своею опытностью отличать в монетах оригинальные экземпляры от поддельных. Критический такт, усвоенный им при оценке подробностей этого любимого предмета, он прилагал и к произведениям живописным и скульптурным, между которыми не только у продавцов-антиквариетов, но и в галереях или музеях, частных и даже публичных, нередко принимаются удачные копии за настоящие оригиналы. На античных монетах, между прочим, изображаются олимпийские боги и богини, герои и разные исторические лица в целых фигурах или же только их головы, обыкновенно в профиль и величиною во всю монету. Внимательное и многократное рассматривание этих выпуклых рельефов, замечательно изящной работы, художественно воспитывает глаз и эстетическое чутье к красотам пластического стиля. Таким образом, постоянные упражнения графа в нумизматических исследованиях образовали в нем знатока и опытного ценителя скульптурных произведений древнеклассического искусства» [5].

Таким образом, в лице С.Г. Строганова мы видим частного коллекционера в полном смысле этого слова, собиравшего коллекцию, прежде всего, для себя, для своего интеллектуального досуга.

В отличие от сентиментального героя, поручика Глинского, граф С.Г. Строганов в своей деятельности предстает как достаточно рационально мыслящий и действующий человек. Экономические проблемы, столь характерные для российского дворянства второй половины XIX в., коснулись и Строгановых, получивших в наследство долги прошлых поколений. Но С.Г. Строганова, как и многих других дворян, невозможно воспринимать «как беспомощных жертв своих анахронистских привычек и расточительного поведения, иными словами, как людей, не способных конкурировать в мире, где господствует homo oeconomicus» [2, с. 20]. Беккер называет приспособившихся к новым экономическим и социальным условиям жизни дворян «урбанизированными дворянами» [2, с. 57], данная характеристика вполне подходит и к С.Г. Строганову.

Рациональный подход к управлению имениями позволил решить экономические проблемы, связанные с долгами, а увлечение древностями, с молодости появившееся у С.Г. Строганова, проявилось в новых практиках – коллекциони-

рования, в связи с археологическими находками, найденными в пермских имениях. Вступив в управление Пермским майоратом в 1846 г., С.Г. Строганов проявляет особую заинтересованность в отношении пермских древностей. Узнав о многочисленных находках древностей в пермских имениях, Сергей Григорьевич обратился с письмом к управляющему Ф.А. Волегову: «Присланные Вами к Батюшке моему Графу Григорию Александровичу 36 старинных вещей, 9 камней и 1 медный наконечник – переданы им мне. Поэтому я посылаю к Вам при сем двадцать пять рублей серебром, для выдачи крестьянину Михайлу Щукину за находку этих вещей. Так как батюшка мой совсем не занимается археологией и потому не имеет в таких вещах никакой нужды, а я же страстный до них охотник, то прошу Вас на будущее время извещать прямо меня о подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображениями чудских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть много ценны не ниже серебряных. Также прошу вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в тех случаях, если такие вещи будут открыты не в имении Батюшки, а в других соседственных местах, и посторонними людьми, от коих я мог-бы оныя приобретать». 10.11.1851, Москва (Архив Института истории материальной культуры РАН, далее – Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Арх. 258. № 1640).

С 1837 по 1874 гг. С.Г. Строганов возглавлял общество истории и древностей российских, а с 1859 г. и до конца своей жизни в 1882 г. был председателем Императорской Археологической Комиссии, занимался коллекционированием, нумизматикой, составил богатую коллекцию русских монет и старинных икон.

Интересную историю, характеризующую С.Г. Строганова как коллекционера-знатока, приводит в своих воспоминаниях Ф.И. Буслаев. У князя Ю.А. Долгорукова Буслаев увидел статуэтку, которая практически валялась как ненужный, старый хлам, и, получив разрешение, принес ее С.Г. Строганову: «Зная нетерпение графа, когда он может быть чем-либо заинтересован, я сперва высвободил свою драгоценность из толстого свертка бумаги и потом уже вошел к нему в кабинет, бережно неся ее в обеих руках. И по голосу, и по взгляду, какими он встретил меня, я тотчас же заметил, что попал к нему в добрый час, и, объяснив ему в коротких словах, откуда и как добыл я эту статуэтку, положил обе

ее половины перед ним на стол около чашки кофею, который он тогда пил. Не говоря ни слова, он взял в левую руку верхнюю часть статуэтки, а в правую лупу и внимательно стал рассматривать головку Аполлона, всю кругом, и особенно медлил на волосах и потом уже стал обозревать прочие члены, останавливаясь подолгу на впадинах и на линиях сгиба. Так продолжалось по малой мере четверть часа, и с каждой минутой промедления усиливалась моя радость: граф заинтересован, и дело мое выиграно. Окончив свой осмотр, он взглянул на меня сияющим от самодовольства взглядом и сказал: «Статуэтка была вся позолочена: у древних мастеров было в обычае золотить бронзовые вещи только особенно изящные и ценные по работе; зеленая патина так густо выросла на ней, что только кое-где в углубленных линиях волос можно подметить в лупу немногие остатки бывшей позолоты». Как опытный знаток, граф начал свой археологический анализ с того, с чего и следовало прежде всего начать, и уже потом он стал рассматривать художественные достоинства статуэтки и много ею любовался. Особенную цену он полагал в ней указанному мною выше ее отличию от бельведерской статуи. То, что казалось мне клоком отрепья, граф признал за шкуру того змея, которого Аполлон поразил своею стрелою. По мнению графа, и бельведерская статуя в первоначальной своей цельности, вероятно, вместо лука держала в руке этот же трофей победы над страшным животным. Если это так, то, по мнению графа, бронзовая статуэтка должна получить важное значение в истории классического искусства» [5].

Как и в случае с этой статуэткой, сложно сказать, мог ли состояться Ф. И. Буслаев как известный ученый без поддержки С.Г. Строганова? Будучи в течение многих лет секретарем графа, обсуждая различные научные темы по отечественной истории, Буслаев открыл для себя свой основной научный интерес, в какой-то степени, и сам стал коллекционером, чтобы иметь возможность им заниматься.

Начиная с периода царствования Николая I, «угасание статусных ориентаций, ослабление воздействия идеологических доктрин абсолютизма на сознание дворянина порождали психологию отстранения, желание обрести новый смысл существования. Падение ценности чиновного успеха поставило перед дворянами вопрос о новых путях самоосуществления» [13, с. 14]. Как видно из биографии С.Г. Строганова, в данных обстоятельствах аристократическое

коллекционирование давало возможность для самореализации в свободное от службы время, выступало как средство поддержания и воспитания «придворной рациональности» и как интеллектуальный досуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив князя Воронцова. Кн. 27. М., 1882.
2. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Бестужев Н.А. Русский в Париже // Избранная проза / Сост. и примеч. Я.Л. Левкович. М.: Советская Россия, 1983.
4. Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
5. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1892_moi_vospominania.shtml
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
7. Гринин Л.Е. Психология и социология феномена славы // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 2. С. 98-124.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М.: Историческая библиотека, 2002.
9. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981.
10. Кузнецов С.О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М.: Издательство Центрполиграф, 2012.
11. Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб.: «Искусство-СПБ», 1994.
13. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999.
14. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
16. Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

REFERENCES

1. Arkhiv knyazya Vorontsova. Kn. 27 [The archives of Prince Vorontsov. Book 27]. Moskva, 1882. (in Russ.)

2. Becker, S., 2004. Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy Rossii [Nobility and privilege in late Imperial Russia]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
3. Bestuzhev, N.A., 1983. Russkiy v Parizhe [A Russian in Paris]. In: Bestuzhev, N.A., 1983. Izbrannaya proza. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (in Russ.)
4. Bloch, M., 2003. Feodal'noe obshchestvo [Feudal society]. Moskva. (in Russ.)
5. Buslaev, F.I. Moi vospominaniya [My memories]. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1892_moi_vospominania.shtml (in Russ.)
6. Veblen, T., 1984. Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. Moskva. (in Russ.)
7. Grinin, L.E., 2010. Psikhologiya i sotsiologiya fenomena slavy [Psychology and sociology of the phenomenon of glory], Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, Vol. 3, no. 2, pp. 98-124. (in Russ.)
8. Klyuchevskiy, V.O., 2002. Kurs russkoy istorii. T. 3 [The course of Russian history. Vol. 3]. Moskva: Istoricheskaya biblioteka. (in Russ.)
9. Kozlov, V.P., 1981. Kolumby rossiyskikh drevnostey [The Columbuses of Russian antiquities]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
10. Kuznetsov, S.O., 2012. Strogonovy. 500 let roda. Vyshe tol'ko tsari [The Strogonovs. 500 years of the family. Second only to tsars]. Moskva: Izdatel'stvo Tsentrpoligraf. (in Russ.)
11. Liven, D., 2000. Aristokratiya v Evrope. 1815-1914 [Aristocracy in Europe. 1815-1914]. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt. (in Russ.)
12. Lotman, Yu.M., 1994. Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX vv.) [Conversations about Russian culture: everyday life and traditions of the Russian nobility (18th to early 19th century)]. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo-SPB». (in Russ.)
13. Marasimova, E.N., 1999. Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (po materialam perepiski) [Psychology of the elite of the Russian nobility of the late XVIII century (a research based on correspondence)]. Moskva. (in Russ.)
14. Ossovskaya, M., 1987. Rytsar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali [Knight and bourgeois. Studies on the history of morality]. Moskva. (in Russ.)
15. Elias, N., 2001. O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 2. [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic investigations. Vol. 2]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
16. Etkind, A., 2013. Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization: Russia's imperial experience]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)